

Север

За мечтами, за туманом и за запахом тайги

Путешествия В. В. Коневского на Нижнюю Тунгуску и острова Карского моря

Хочу рассказать об авторе и обстоятельствах создания арктического дневника, хранящегося в фондах Енисейского музея.

Владимир Вячеславович Коневский (Каневский), сосланный из Нижнего Новгорода в Енисейск по делу дружины скаутов «Арго», с 1929 по 1934 год работал добровольным помощником Енисейского краеведческого музея. Он принял участие в научных экспедициях на Большой Пит (1929), Нижнюю Тунгуску (1932) и острова Карского моря (1933 год).

В письме к Е. П. Пешковой от 2 марта 1933 года А. А. Коневская, обеспокоенная длительным отсутствием известий от сына, сообщала: «В июне 1932 он из Енисейска уехал в Северную экспедицию Комсеверпути с профессором Толмачёвым. В октябре этого же года экспедиция вернулась, и он из Енисейска прислал мне телеграмму, где писал, что вернулся в Енисейск».

Нижне-Тунгусская и Хатангская экспедиции 1932 года были организованы Полярной комиссией Академии наук совместно с Советом по изучению производительных сил СССР при участии Комитета Северного морского пути и Комитета по проведению 2-го Международного полярного года. Общее руководство работами осуществлял А. И. Толмачёв. Нижне-Тунгусский отряд возглавил биолог А. М. Рубин, начальником Хатангского отряда был зоолог А. Н. Смесов.

При поддержке «Комсеверпути» экспедиция под руководством А. М. Рубина приняла на себя исследования почв и флоры в районе Нижней Тунгуски. Сведения о почвах, дикорастущей флоре, луговых запахах были необходимы для разрешения вопроса совхозного строительства на Нижней Тунгуске в целях удовлетворения нужд местных промышленных предприятий.

Наряду с группой Рубина в 1932 году Горный директорат «Комсеверпути» направил на Нижнюю и Подкаменную Тунгуску 7 поисковых и 4 геолого-разведочных.

В ходе изучения материалов Нижне-Тунгусской экспедиции 1932 года обнаружено краткое упо-

минание В. В. Коневского. В записи о стоянке отряда в устье реки Верхняя Чалбышева 28–31 июля начальник Нижне-Тунгусского отряда экспедиции А. М. Рубин отметил:

«Вечером к месту нашей стоянки подошёл катер «Горняк», причём наш спутник по переезду на теплоходе «Комсеверпуть» т. Каневский привёз для нас с Ногинского рудника по моей просьбе сахару, масла, сухей и мяса, что было очень кстати. За горячим для дальнейшего движения илимок геологических партий Комсеверпути к месту работ, ожидающих катера на фактории Чискова, ему пришлось ехать в Турханск, а по пути он захватил для нас газеты и письма».

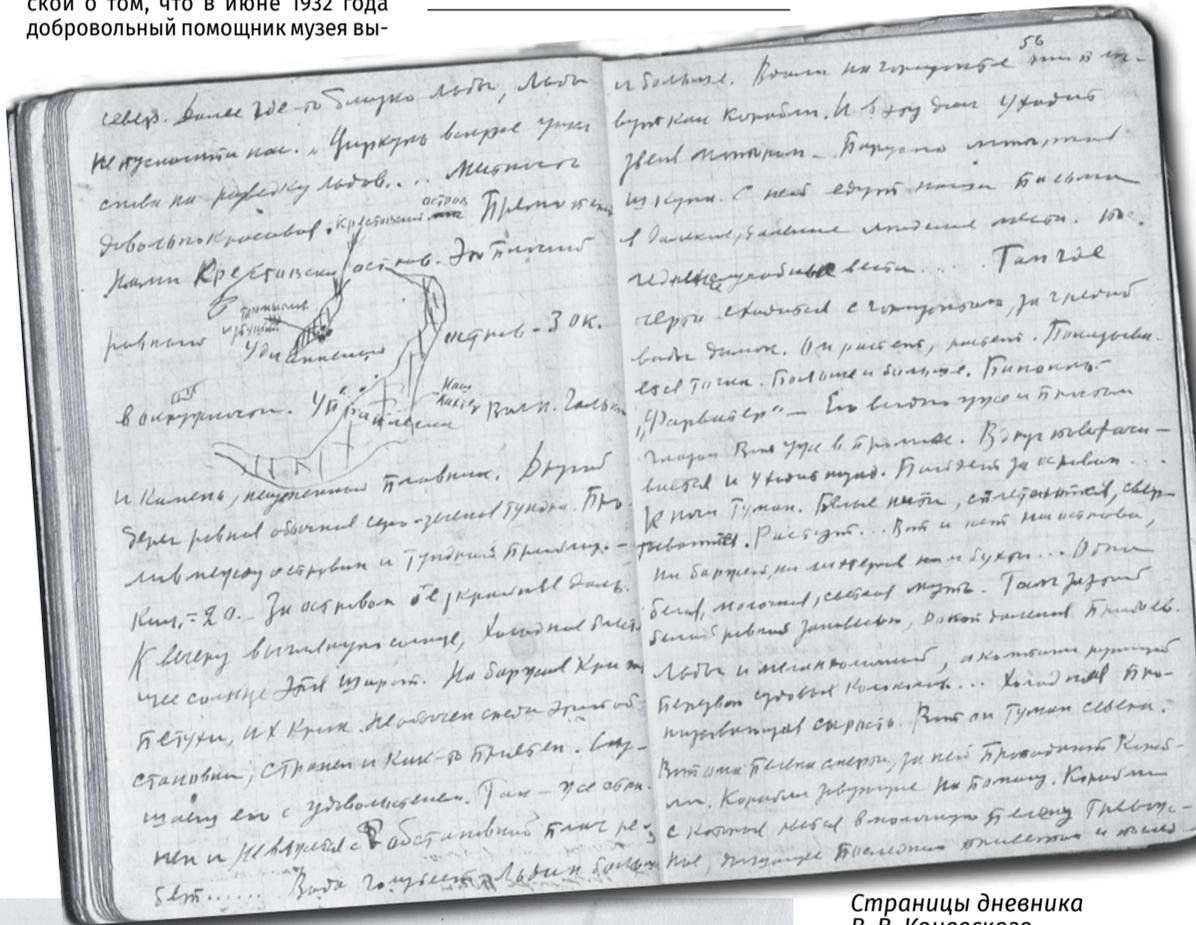
Процитированный текст подтверждает сообщение А. А. Коневской о том, что в июне 1932 года добровольный помощник музея вы-

В. В. Коневский (архив управления ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-9632. Л. 32).

А. М. Рубин («Бюллетень Арктического института», № 6, 1936. С. 260).

Страницы дневника В. В. Коневского, 1933 год (Енисейский краеведческий музей. КП 3513).

ехал из Енисейска на теплоходе «Комсеверпуть» вместе с членами экспедиции А. И. Толмачёва.

В письме А. А. Коневская упоминает также Северную экспедицию «Комсеверпути». Действительно, В. В. Коневский, не являясь членом экспедиции Толмачёва, работал с двумя геологическими партиями Горного директората «Комсеверпути», которые вели исследования на Нижней Тунгуске одновременно с группой Полярной комиссии АН СССР. В октябре 1932 года он вернулся в Енисейск.

В период навигации 1933 года В. В. Коневский принял участие в работе Карского отряда экспедиции Сибирского гидрографического управления Северного морского пути под руководством В. И. Воробьёва. Отряд обслуживали гидрографические суда «Циркуль» и «Фарватер», а также самолёты

полярных лётчиков А. Д. Алексеева и К. Г. Неронена.

«Циркуль» и «Фарватер» с караваном лихтеров отправились в поход из Енисейска 5 июля. Поздняя весна сильно задержала начало работ отряда, и «Циркуль» на своём пути от устья Енисея к острову Диксон встретил 20 июля кромку сплошного невзломанного льда, идущую от мыса Лескина поперёк Енисейского залива к северному входному мысу бухты Омулёвой.

Только в августе состояние льдов позволило судам отряда подойти к острову Диксон. В дальнейшем «Циркуль» посетил с целью выполнения гидрографических работ и постройки знаков шхеры Минина, острова Каменные, Свердруп, Вилькицкого, Белый, Неупокоева, Вардропер, Зверобой, Плавниковые и Скотт-Гансена.

«Фарватер» посетил мыс Двух Медведей, остров Расторгуева и Пясинский залив. «Циркуль» вернулся в Усть-Енисейский порт 30 сентября, а 4 октября прибыл в Гольчиху «Фарватер».

В фондах Енисейского музея хранится тетрадь с очерками В. В. Коневского «Дневник пути: река Енисей, остров Диксон, Карское море. Записи топографа, 1933 год». Между страниц её вложена квитанция заказного письма, отправленного 18 ноября 1933 года из Енисейска в Горький А. А. Коневской.

Первая часть дневника содержит описания плавания по Енисею. Далее Коневский рассказывает о стоянке судов в Енисейском заливе, делится впечатлениями о Диксоне, сообщает о работах экспедиции в Карском море. Нижегородский «кагонавт» упоминает руководителя экспедиции В. И. Воробьёва, капитана «Циркуля» Ф. П. Демидова, капитана В. К. Дубровина, топографов и других участников поездки, пишет о русских селениях и ставишицах коренных народов Севера. Особое внимание уделяет природе.

«Путь до Диксона навсегда останется у меня в памяти,— отмечает В. В. Коневский.— Голубой простор неба незаметно сливался с зеленовато-голубым морем. Кругом льдины. И вот это-то сочетание белого, голубого и зелёного создавало изумительные контрасты. Белые искрящиеся льдины сверкают на закате. Это поразительно красиво. Но кое-кому не до любований. На мостике две фигуры — Демидов и Воробьёв. Они внимательно смотрят в бинокли. «Циркуль» идёт осторожно, ощупывая каждый шаг, обходя льдины и выскивая путь».

В записях Коневский использует устойчивый приём сопоставления зрительных впечатлений со звуковыми и символическими подтекстами, ассоциирующимися с романтизмом и фольклором.

Например, в 1929 году туман на реке Большой Пит воспринимался Коневским как символ «таёжных тайн» и «сказочности»:

«Стало вечереть. Сумрачные утёсы смотрят в потемневшие волны Пита. С гор сполз белый призрачный клубящийся туман. Он медленно плыл, клубился. Цеплялся за вершины кедров, лиственниц, пихт, косматых елей. Вот где-то там в трущобе среди зубцов, утёсов и скал загукал филин. Гукает, ухает, точно заклинания бормочет или таёжную тайну рассказывает. А когда луна

Теплоход «Комсеверпуть» (Российский государственный архив экономики. Ф. 9570 Оп. 7 Д. 54 Л. 18 (в приложении)).

пронзила колеблющиеся волны тумана, дымчатые лёгкие тучи, тени леса, утёсы и скалы, стало совсем таинственно, сказочно кругом».

В дневнике 1933 года туман Северного Ледовитого океана — «пелены смерти»:

«К вечеру выглянуло солнце, холодное солнце этих широт. На барже кричат петухи, их крик необычен среди этой обстановки, странен и как-то приятен, слушаешь его с удовольствием. Так же странен и не вяжется с обстановкой плач детей. Вода голубеет, льдин больше и больше. Вдали на горизонте они плывут как корабли. К ночи туман. Белые нити сплетаются, свёртываются, растут. Вот и нет ни острова, ни баржи, ни лихтеров, ни бухты. Одна белая, молочная, светлая муть. Так закрыт белой ровной занавескою покой далёких прибоев. Льды и меланхоличный перезвон судовых колоколов. Холодом пронизывающая сырость. Вот он, туман севера. Вот они, пелены смерти».

«Идёт снег, холодно. Ветер давно уже не порывистый, а постоянный ровный и сильный дует с севера. Необычной была жизнь у пустынного берега тундры, вернее, у полукилометровой ледяной кромки, отделяющей от основного берега. Ходили по тундре, охотились. Партия строителей строила знак. Люди муравьями копошились на снегу. На лихтерах завывали собаки и мычали коровы. Все вместе — и пароходы,

и коровы, собаки, люди и лихтеры ждали, упорно ждали продвижения вперёд, ждали и нервничали каждый по-своему. Один лёд был невозмутим. Он спокойно сжимал нас своими цепкими белыми челюстями и непоколебимо преграждал нам дорогу вперёд».

Сравнивая жизнь в лесах Эвенкии с суровым бытом в арктических тундрах, Коневский отмечает:

«У тунгусов как-то больше бодрости, на лицах больше улы-

бок. И костры не дымят тлеющим пламенем плавника, а горят, потрескивая смолистым запахом кедровых и лиственных ветвей».

Но даже в «царстве холода и смерти» жизнеутверждающе звучат детские голоса:

«Что удивительнее всего — это чистые детские голоса, звенящие колокольчиками в свежем воздухе. Да, дети здесь

есть, дети — это настоящая победа человека над Севером. Дети здесь рождаются даже, зимуют великолепно, жизнь Диксона на полном ходу. Держись, старина Север, держись — воля и энергия человека сломят тебя».

Общие для ряда русских скаутов особенности восприятия и описания мира обозначены Е. С. Ефимовой-Залекер:

«Хорошо помню свои детские впечатления от семейных рассказов о лагерной жизни Сергея Владимировича Шибанова (сам он, «Молчаливый Лось», как называли его в скаутском отряде, оставил письменные воспоминания, но предавался устным воспоминаниям чрезвычайно редко): мы слушали их с восхище-

нием и завистью и представляли себе Соловки и Сибирь как романтический мир, где жили сильные мужественные люди в роде героев Джека Лондона. Он, стоя по пояс в воде, сплавлял лес... Сломал переносицу, он стал ещё больше похож на индейца... Он так интересно жил, что пропустил срок своего освобождения... О тех, по чьей воле наши близкие оказались в этих сказочных краях, вообще не могло быть никакой речи».

Геологические и этнографические коллекции, собранные в экспедициях на Нижнюю Тунгуску и острова Карского моря, В. В. Коневский передал в Енисейский краеведческий музей. Отчёт о состоянии и деятельности музея за 1934 год информирует:

«В апреле 1934 года прекратил работу в музее добровольный сотрудник В. В. Коневский». В справке учётно-статистического отдела полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю от 27 июня 1934 года говорится: «Коневский Владимир Вячеславович из ссылки освобождён 6 июня 1934 года, пока остался в Енисейске».

Дальнейшая судьба В. В. Коневского неизвестна.

Юрий КЛИЦЕНКО.

Выражаю благодарность О. И. Федотову и Е. С. Ефимовой-Залекер за консультацию.

Гидрографическое судно «Циркуль» (Российский государственный музей Арктики и Антарктики. О-8834/19).

Незабываемое

Выбирая профессию, выбрал судьбу

В нынешнем году, 31 мая, исполнилось 115 лет со дня рождения красноярского писателя Александра Александровича Ждановича.

С ним я познакомился в 1970 году в детской редакции краевого радио, которая располагалась на улице Мечникова, 44а. Он сумел повлиять на выбор мною профессии, на выбор моей судьбы. Об этом удивительном человеке память я храню уже более полувека.

В десять лет, в 1970-м, в детскую редакцию радиогазеты «Пионерский салют», редактором которой была Галина Александровна Шелудченко, я принёс свою первую заметку, и она прозвучала в эфире.

Особенно врезались в память встречи с Александром Ждановичем. Он учил меня добру и справедливости. Рассказывал о том, как рождался его рассказы, как в годы Великой Отечественной войны служил военным корреспондентом, писал стихи и песни.

В 15 лет я уже был внештатным корреспондентом радиожурнала «Молодость Енисея». Вспоминаю, как в 1975-м у Александра Ждановича вышел сборник «Человек выбирает судьбу». И он мне подарил его с автографом и пожеланиями быть преданным своей профессии.

В дни весенних школьных каникул в краевой детской библиотеке проходила неделя детской книги. Библиотекари красочно оформили уголок «Красноярский детский писатель А. А. Жданович». На видное место выставили его книги «Мальчик и солнце», «Приключения невезухи», «Человек выбирает судьбу», сборник стихов и другие.

В молодёжной редакции мне выдали профессиональный репортёрский магнитофон. И свой первый

Александр Александрович Жданович.

самостоятельный репортаж я посвятил своему тогдашнему кумиру:

— Я хочу вам рассказать о человеке, который в годы Великой Отечественной войны занимался поэтическим творчеством во фронтовых условиях,— рассказывал я слушателям.— Это один из старейших журналистов Красноярского края Александр Александрович Жданович. На второй день войны он был призван и стал военным корреспондентом газеты «За Родину». Он создавал стихи и песни. Особенной популярностью в те годы пользовалась его песня «Вперёд — Севастополь!». Как военный корреспондент, сам принимал непосредственное участие в боях за Украину. В 1945-м старший лейтенант Жданович демобилизовался. Работал корреспондентом в газете «Красноярский комсомолец», затем — на радио и телевидении, печатал свои рассказы в «Красноярском рабочем».

Особенной популярностью среди пионеров и комсомольцев пользовалась его книжка «Рассказ о фрице — хитрой лисице и деде Иване — храбром партизане». Я расспрашивал юных читателей, какие произведения Ждановича они прочитали, что им запомнилось и понравилось. Но самым главным, волнующим для меня было интервью с самим писателем, к которому я готовился со всей ответственностью.

С тех пор прошло много лет, целая жизнь. Я достаю с книжной полки его сборник стихов, и воспоминания об этом удивительном человеке захлёстывают мою душу. В 1942-м он написал стихотворение «Вперёд — Севастополь!». В те годы Жданович воевал на Украине, где сейчас вновь идут боевые действия и гибнут люди. Вчитайтесь в эти строки:

*Он неприступным гордым стражем
Стоит у черноморских вод.*

*Гроза и смерть для полчищ вражых
Его и армия, и флот.
Зажаты волей наши нервы,
Здесь каждый — пламенный герой.
Здесь каждый первым.*

*Только первым
Идёт за Севастополь в бой.
...Труба горнит! Зови, горнист!
Вперёд, товарищ, в наступленье!
Моряк, стрелок, артиллерист
Одним наполнены стремленьем.
В атаку! В бой! Сквозь пламя, дым...
Сердца на подвиг нас позвали.
И мы как вихрь, как буря стали.
Советским был и будет Крым!*

В 1980-м году, когда я работал на краевой студии телевидения ассистентом кинооператора, судьба свела меня с Марией Жданович — дочерью Александра Александровича. Она работала в литературной редакции, и мы выезжали вместе с ней на съёмки новостных сюжетов и киноочерков о писателях и поэтах.

Работая на студии телевидения над документальным фильмом «На страже Северного неба» вместе с ведущим кинооператором Петром Гордеевым, я получил доступ к секретным документам. Видимо, уже тогда было предначертано, что моя военная служба будет проходить в КГБ и даст мне возможность стать внештатным корреспондентом газеты «Боевое знамя».

Однажды меня вызвали в управление особого отдела КГБ воздушно-космических сил космодрома «Байконур». Одно название — комитет государственной безопасности — приводило в дрожь. С волнением и тревогой переступил я порог кабинета и увидел полковника, который, улыбнувшись, произнёс:

— От наших красноярских коллег мы получили о вас всю исчерпывающую информацию. Имеете доступ к секретным документам, бывали на военных объектах Сибирского военного округа. Такие военнотрудовые нам в особом отделе нужны. Ваша служба будет проходить на площадке 250, где проводят испытания ракет, а точнее — реактивных двигателей для достижения гиперзвуковой скорости, и относится к грифу секретности «государственная тайна». Военную службу вы будете проходить под псевдонимом, и вам необходимо определиться с его выбором.

— Александр Жданович! — не задумываясь, ответил я.— В честь моего учителя и наставника в журналистике.

Так началась моя служба в особом отделе КГБ СССР на космодроме. Передо мной открывались большие возможности, в том числе — обучение в высшем командном училище...

Но, отслужив краткосрочную военную службу, я не изменил своим взглядам. По приглашению редактора районной газеты «Ленинское знамя» Алексея Смородина пошёл

работать фотокорреспондентом. С распадом СССР нашу газету, как и многие другие районки, а их в Красноярском крае насчитывалось 67, переименовали. Стала она называться «Емельяновскими весями».

Много лет я отработал руку об руку с Надеждой Малеевой, Анатолием Кашкаровым, Евгением Козловым, Людмилой Курпетиной. За эти годы отсняты и опубликованы сотни фоторепортажей и фотоочерков. Перебирая теперь чёрно-белые, пожелтевшие от времени снимки, всматриваюсь в знакомые лица и вспоминаю Галину Александровну Шелудченко, которая учила меня азам журналистики, Анатолия Михайловича Ануфриева, благодаря которому я стал юнкором «Пионерской правды», кинооператоров Петра Гордеева и Юрия Устюжанина, с которыми было снято много документальных фильмов, и, конечно же, Александра Александровича Ждановича, сумевшего привить мне любовь к журналистике...

Подводя итог, могу сказать, что жизнь прожита не зря. Воспитал двоих детей, они подарили четырёх внуков и двух внучек. Сын Александр окончил высшее военное училище и по распределению уехал служить в Центральный военный округ. Дочь Наталья живёт в селе, воспитывает пятерых детей.

Выйдя на пенсию, я начал писать стихи и рассказы — не дают покоя воспоминания. Кстати, в архиве Красноярской студии телевидения сохранилась 16-миллиметровая плёнка — запись интервью с писателем Виктором Петровичем Астафьевым. Сказанные им слова я запомнил на всю жизнь: «Человеческая душа жива и бессмертна до тех пор, пока есть в оставшемся мире тот, кто её помнит и любит».

Александр ДЫБИН.

Красноярск.